

«Сынок, Сэмэн, я родила тебя на далёком Севере,
где женщин саха в те годы почти не было.

Далёкий край с благословением принял тебя —
ты родился на свет с появлением долгожданного солнца
после полярной зимы. Ты был для нас очень долгожданным.
Помни об этом всегда...», — эти слова мне сказала мама,
похоронившая двух детей, родившихся до меня.

Автор

После пятнадцати дней Большого ветра бескрайняя тундра наконец-то вздохнула с облегчением. Из печной трубы крохотного балагана, устоявшего под натиском пурги и торчащего на острове Куба Арыыта, словно рукоять охотничьего ножа, заструился тоненький синий дымок — признак жизни на этом завьюженном метелями крае земли.

Было слышно, как откапывают занесенную снегом дверь тамбура — небольшого пристроя к балагану, больше похожего сейчас на снежные сени, и вскоре оттуда показалась женщина в лёгком пыжиковом пальто, туго подпоясанном ремешком из мягкой замши. Её облезшая остроконечная шапка съехала на затылок. Запыхавшись, женщина выбралась наружу, утерла лицо тыльной стороной рукавицы из ровдуги и с наслаждением втянула в себя свежий воздух, внимательно огляделась по сторонам, словно надеясь найти какие-то перемены в пейзаже острова после Большого ветра. Она с радостью отметила голубые прогалы в небе, сквозь которые солнечные лучи раскрасили облака на востоке в розовый свет, и даже прошептала тихонько про себя: «Солнце! Скоро будет солнце!» После этого юркнула обратно в снежные сени своего балагана и показалась оттуда уже с ведром. Для видимости поковыряла ногой занесённый пургой снежный вал для мусора и быстро вылила туда содержимое ведра.

Это — Ааныс. Бесконечное завывание ветра настолько утомило её, что она чувствовала себя полностью опустошённой. Она думала, что могла бы счёт дням и ночам потерять, если бы не часы. Ааныс подстраховала себя ещё тем, что после каждого полного суток откладывала один гусиный клюв в берестяную плетёнку. Так она и пережила Большой ветер. Гусиные клювы собирал её старший сын Егорушка, который сейчас учится в четвёртом классе в Сагастыре, где живёт в интернате при школе для таких же, как и он, детей оленеводов и охотников, круглый год скитающихся по бескрайней тундре. Высушенные и старательно нанизанные сыном на нитку из оленьих сухожилий гусиные клювы висят за печкой. Ааныс каждый вечер вспоминала своего старшенького, осторожно развязывала один клюв из связки и перемещала его в свою берестяную плетёнку-памятку. Когда Большой ветер стих, она насчитала там ровно пятнадцать штук. Если бы пурга побесновалась ещё пару-тройку дней, то у них бы закончились дрова для растопки печки, да и младшие дети, которые сейчас с ней, совсем бы зачахли без свежего воздуха и привычного их глазу простора тундры. Ньукуус, средний сын Ааныс, в первые дни после начала пурги даже пытался счищать иней с окошка, чтобы хоть как-то впустить свет в балаган, а потом и вовсе стал языком лёд лизать. Кое-как она его угомонила.

Ааныс откопала от снега занесённые пургой два небольших окошка, счистила иней изнутри, и в балагане стало заметно светлее и даже как будто просторнее. Она быстренько одела Ньукууса и немного погуляла с ним на свежем воздухе, а потом, пока ещё светло, решила сходить и нарубить заранее заготовленный плавник вдали от балагана, а то на растопку осталось всего несколько поленьев. Андрей, так зовут её мужа, уехал сдавать шкурки песца и, если его друг Тышпы будет на месте, он планировал сходить с ним на сопочный увал Тумата — поохотиться на оленей. «Хорошо, если бы он удачно сходил на охоту, — размышляла Ааныс. — А сейчас, наверное, застрял в Сагастыре. Конечно, он там. Какой нормальный человек отправится в путь во время Большого ветра».

Женщина взяла топорики и потащила за собою салазки по восточной низине острова — в сторону пади возле овального озера, где она ещё летом заготовила дрова из плавников. Собранные вертикально в виде урасы они были видны ещё издалека. Ааныс ловко нарубила жердя длиной примерно в три полена каждая, чтобы не сильно выступали за санки, и поспешила домой. Грузёные салазки по утрамбованному после Большого ветра снежному насту скользят легко, а то до этого приходилось тащить их, утопая по колено в рыхлом снегу и выбиваясь из

сил. «Наверное, про это говорят, что нет худа без добра», — думает Ааныс, споро перебирая крепкими ногами. Ей кажется, что её шаги по гулкому снежному насту слышны на весь остров.

До жилища она добралась, когда уже начало смеркаться и тундра окрасилась в непривычный и невероятный по красоте для человека с материка тёмно-фиолетовой цвет, на что, впрочем, женщина не обратила никакого внимания. Она к этому привыкла давно. Быстро разрубив дрова, Ааныс с охапкой поленьев юркнула в балаган и растопила печку. Детишкам, которые не дождалась матери и заснули, она на скорую руку приготовила строганину из молодой осетрины. Разбудила их только тогда, когда печка дала свой первый жар, а вкусное и очень нежное осетриное мясо приобрело тёплый жёлтоватый цвет, и на нём выступили первые капельки янтарного жира.

* * *

В это же самое время на другом конце острова Куба Арыта проснулась хозяйка этих суровых и неприветливых мест — белая медведица с детёнышем. Это была мощная крупная самка, лишь ненамного уступающая в размере самцам. Она природным инстинктом, который её никогда не подводил, почувствовала сквозь толщу снежной берлоги, что идут последние дни бесконечной полярной ночи, и на небе уже видны первые проблески солнечных лучей. Медведица уткнулась мордой в мягкую тёплую шерсть своего детёныша и подумала, что наступают славные деньки, когда они вволю порезвятся с малышом, и уже представила себе, как будет учить охоте это крохотное существо, дороже которого сейчас для неё никого нет. Вдруг она резко приподнялась и огляделась, поворачивая голову из стороны в сторону, словно могла что-то увидеть в темноте берлоги под толстым слоем снега. Ею овладело неожиданное возбуждение от одной мысли о бескрайних просторах, по которым она успела соскучиться, и сильными движениями могучих передних лап мигом раскопала вход в берлогу. Невольно зажмурил глаза от света, она втянула ноздрями свежий ароматный воздух родной тундры...

В этот день они прогуливались с медвежонком, который с огромным удовольствием — первый раз в жизни! — катался на животике с ближайших наметённых Большим ветром сугробов. Медвежонок был абсолютно счастлив — он сыт, мама рядом, и ему предстоит сделать ещё столько открытий на этом чудесном свете, созданном специально для него. Медведица краем глаза присматривала за малышом, а сама старалась различить тончайшие запахи, доносящиеся со всех сторон, и в первую очередь со стороны моря, где им вскоре предстоит охотиться с сыном. Вскоре она уловила чуть горьковатый запах дыма, а также едва различимый аромат вкуснейшего моржового жира. В животе тут же заурчало, и она решила вечером, когда малыш уснёт, сходить на разведку.

Изначально медведица хотела направиться на побережье моря, которое она в первую очередь собиралась исследовать с медвежонком, но ей приснился неожиданный сон, и потому она была в лёгком замешательстве. А приснилось ей, как будто она добралась до легендарного места Северного Ледовитого океана под названием Эйюк, где жирной рыбы и тюленей видимо-невидимо, и где также много других медведиц с медвежатами. Все кого-то ждут. И, действительно, немного погодя из водной глади сурового океана явился хозяин морей, озёр и рек Уу Барылай Байанай в распахнутой роскошной нерпичьей шубе, надетой поверх рубашки

из цельной кожи огромной нельмы. Он пришёл не с пустыми руками. Своим чудесным посохом, сделанным из челюстей невиданных размеров древней рыбы, он пригнал к берегу добрый косяк омулей. Все медведи поклонились ему в пояс.

Уу Барылай Байанай раздал всем медведям и медвежатам вкусных и жирных омулей. И во сне медведица увидела, что когда очередь дошла до неё, то у хозяина морей, озёр и рек закончилась рыба. Но Уу Барылай Байанай пожалел её, погладил по голове, дал облизать лоснящиеся от рыбьего жира ладони и чудесным посохом, сделанным из челюстей невиданных размеров древней рыбы, указал куда-то в сторону, словно давая ей понять, мол, там твоя доля. И тотчас там, где в колышущемся снежном мареве медведица узнала очертания острова Куба Арыята, где она в прошлом году залегла в берлогу и родила чудесного медвежонка, на снегу заиграл невесть откуда взявшийся волшебный отсвет. Медведица послушно направилась туда, а все остальные медведи и медвежата задумчиво смотрели ей вслед.

И вот теперь, уткнувшись мордой в мягкую тёплую шерсть своего медвежонка, она всё пыталась истолковать неожиданный сон. Она испытала какое-то смутное беспокойство, когда Уу Барылай Байанай дал ей облизать пустую ладонь, пусть и лоснящуюся от рыбьего жира. «Такова, видать, моя доля, — подумала она. — Не зря, наверное, хозяин морей, озёр и рек поступил так со мною. Значит, так надо». Она попыталась отогнать нехорошие предчувствия, и её чуткие ноздри вновь уловили непередаваемый аромат вкуснейшего моржового жира. В животе у неё опять заурчало, но медведица твёрдо решила дожидаться наступления темноты.

* * *

После Большого ветра жизнь в посёлке Сагастыр постепенно вошла в своё привычное русло. Андрей дал своим ездовым собакам, которые делили с ним все тяготы длительных переходов, немного ряпушки, чтобы те заморили червячка. Затем он, обращаясь к своему главному богатству и гордости в странствиях — псу жожаку по кличке Чолбон, сказал: «Ну, друг, настало время возвращаться домой. Завтра рано утром тронемся в путь. Так-то!». Андрей ласково потрепал своего любимица, с которым был неразлучен уже много лет, и уже удаляясь, услышал лязг зубов, жадно разрывающих мерзлую рыбу.

Накануне утром Андрей проснулся в замечательном настроении. Ночью ему приснился сон, будто красивая женщина в богатом одеянии протягивает ему бутылку спирта и говорит при этом: «Андрей, вот твоя доля, которую я отложила для тебя. Пей!» Свой сон он истолковал как будущую удачу на большой охоте, и в приподнятом настроении весь день провёл за приготовлениями к отъезду, которые свелись к покупке в магазине подарков жене и детям, а также тщательной проверке собачьих постромок, изготовленных из моржовой кожи. Вечером Андрей мысленно подвёл итоги поездки. Получалось, что он съездил удачно и дни даром не потерял — с ним рассчитались за сданную пушнину неплохой суммой, кроме того, он успел встретиться со всеми, с кем хотел, договорился о поставках своих трофеев на будущее. Единственное, что его беспокоило — это то, что Большой ветер дул целых пятнадцать дней, и у его домочадцев могли закончиться заготовленные дрова. За продукты он не волновался — как раз перед поездкой он успел добыть диких оленей.

Вечерет. Ааныс накинула пальто, чтобы занести в балаган дрова и лёд, но вдруг ей снаружи почудился какой-то непривычный звук — как будто где-то вдали скрипели полозья саней. Неужели муж приехал? Нет, вроде бы не похоже. Странно. Детям о непонятном звуке она ничего не сказала и с опаской вышла на улицу.

Звук слышался с северной оконечности острова. И он приближался. В этот раз он совсем не напоминал скрип полозьев, скорее это было похоже на чьё-то осторожное шорканье по плотному снежному насту. Время от времени звук прекращался, но потом опять слышались все те же самые «шорк, шорк». Это было странно и пугающе. Даже не пригодный пока для охоты щенок, призванный путаться под ногами и облаивать при приближении к жилью всех, затих и никуда от Ааныс не отходил. Щенок заскулил, просясь в балаган, но Ааныс отогнала его, и он, поджав хвост, направился в правый угол занесённого снегом тамбура, где обижено свернулся калачиком на своём заиндевевшем коврикe.

Прислушиваясь с опаской к любым посторонним звукам, Ааныс быстро занесла в балаган дрова и лёд, оленину на завтрашний обед, рыбу на строганину и двух северных красавцев — белолобых гусей. Всю мёрзлую еду, кроме рыбы, она разместила на шесток печи. Печь у них была добротная, из хорошего кирпича, оставшаяся в наследство от какой-то экспедиции, которая обитала на острове прежде.

Уже стемнело, и Ааныс решила разжечь печку. Она взяла самодельный половник — жестяную консервную банку из-под тушёнки с привязанной к ней длинной деревянной ручкой — и попробовала набрать из ведра топлёный моржовый жир для розжига огня, но лишь со скрежетом поскребла по дну.

— О, закончился! — огорчилась Ааныс.

У побережья сурового моря, царства бесчисленных протоков и озёр, с сухостоем всегда туго, и потому для растопки печи приходится пользоваться заранее заготовленной сухой щепой. Но им повезло. Здесь лет двадцать назад была проведена кампания по забою морского зверя и заготовке моржового жира. Растопленный жир заливали в большие железные бочки и складировали тут же, прямо на острове. Но потом с трудом отгрузили и отправили в Тикси всего одну партию бочек. Оказалось, что морские суда из-за недостаточных прибрежных глубин к острову подойти не могут, а иных способов вывоза груза не было. С тех пор забытые всеми бочки со спасительным для Ааныс моржовым жиром, который за два десятилетия превратился чуть ли не в керосин, стояли под наспех сооружённым навесом из почерневших от времени досок. Жир годился на всё — и для растопки печи, и как добавка к собачьей еде, и как топливо для жирника, который заменял им керосинку или масляную лампу. Правда, жирники безбожно коптили, но это было всё же лучше, чем сидеть зимой в кромешной тоскливой темноте.

Делать нечего — надо было идти за жиром к навесу, расположенному поодаль от дома. Там же Андрей соорудил традиционный для этих мест продуктовый лабаз на столбах. Ааныс подкинула дров в печку и, схватив ведро для жира, вышла на улицу. Она шла в быстро наступающих сумерках, а из головы всё не выходил услышанный ею странный звук. Вскоре глаза привыкли к темноте и она, остановившись, внимательно огляделась, прислушалась и тут же насторожилась. Так и есть — со стороны их продуктового лабаза слышался какой-то непонятный скрип. Словно кто-то обутый в унты с толстой мягкой подошвой осторожно ступал по снегу. Спустя какое-то время она явственно различила звук, который бывает, ког-

да кто-то трётся о столб. Почти одновременно с этим Ааныс разглядела крупного белого медведя, который и издавал все эти насторожившие её шорохи. Ааныс мгновенно застыла на месте и тут же услышала другой звук и поняла, что это медведица, и она не одна, а с медвежонком. А это, как она знала со слов стариков, уже совсем другая ситуация — мама своего ребёнка никогда в обиду не даст. Её сердце гулко-гулко забилося, и она тихо пошла обратно к дому.

— Мама, а жир почему не принесла? — встретил её вопросом Ньюкуус, который сидел возле печи.

— Не получилось, сынок... Помешали... Там медведица с маленьким смешным медвежонком. Они у нашего продуктового лабаза... Завтра днём посмотрим на них? — всё это Ааныс попыталась проговорить как можно более спокойным голосом, чтобы не напугать своего сына.

В эти минуты оказавшаяся на острове один на один с великим зверем женщина решила поступить так, как в таких случаях всегда поступали их предки. Ааныс покормила дух огня и при этом беспрестанно произносила услышанные когда-то слова: «Не множь печали наши, печали простых людей. Отведи от нас взгляд великого зверя. Спаси и сохрани!»

Затем она вытащила из-под нар старенький эмалированный таз, и переложила туда ещё тлеющие жаром угли из печи, а Ньюкуусу велела взять несколько поленьев. Женщина утоптала снег под двумя окнами балагана, насыпала туда горячие угли и соорудила над ними небольшие шалашики из поленьев. Костры для отпугивания медведицы были готовы. То же самое она проделала у входа в снежные сени. Опасаясь, что щенок своим лаем привлечёт ненужное внимание медведицы, Ааныс загнала его в балаган. На радостях он тут же что-то опрокинул и был немедленно загнан под нары, но время от времени оттуда выглядывали чёрные озорные глаза шалунишки.

Даже Ааныс невольно улыбнулась, глядя на щенка, а сыну серьёзно, как взрослому, объяснила, что великий зверь приходит неспроста, и потому всегда надо придерживаться обычаев предков. Рассказала, что согласно поверьям медведь не трогает женщин и детей, и если женщина покажет ему свою обнажённую грудь, то он уходит. Ньюкуус очень внимательно слушал маму. По её словам выходило, что к ним пришёл не злобный зверь, а мирная медведица со своим медвежонком, и что ничего страшного не произойдёт. Мальчишка успокоился. Пока Ааныс рассказывала всё это сыну, немного успокоилась, даже как будто сама поверила всему сказанному. «Завтра посмотрим медвежонка, а потом они уйдут. Хорошо?» — сказала она начинавшему дремать сыну, который уже представлял себе маленького забавного медвежонка, большую медведицу и маму, стоящую с обнажённой грудью...

На улице Ааныс нарочито громко, чтобы медведица слышала, что тут есть люди, наколола дров, а заодно раскочегарила костры под окнами и у входа в балаган. Затем она притащила заготовки для полозьев саней, состоявшие из огромной коряги, и также пристроила их в свои костры. Чтобы дольше горели.

В балагане Ааныс зарядила двустолвку мужа картечью и поставила ружьё у своего изголовья. Также несколько заряжённых картечью патронов она положила на стол. Черенком лопаты подпёрла дверь, поскольку на Севере двери всегда открываются вовнутрь, и привязала его для фиксации ремешком из жёсткой моржовой кожи. Зверь есть зверь, подумала она, лучше уж подстраховаться.

С невероятной высоты тёмного купола холодного неба расцветенный пламенем костров крохотный балаган, торчащий на острове Куба Арыпта, словно

рукоять охотничьего ножа, представлял фантазмагорическое зрелище. Внутри жилища — по его стенам — метались тревожные сполохи огня. Медведица, пришедшая на продуктовый лабаз, стояла и заморожённо смотрела на свой сон про хозяина морей, озёр и рек Уу Барылай Байаная наяву — над островом, где находится её берлога, в темноте полярной ночи сверкал невесть откуда взявшийся волшебный свет.

* * *

Запахи свежего моржового мяса и его вкусного жира вскружили медведице голову. У неё нещадно урчал желудок — с тех пор, как она залегла в берлогу и родила там своего малыша, она ничего ещё не ела. Мягко отодвинув путавшегося под ногами медвежонка в сторону, чуть постояла, приобняв столб лабаза, а затем вонзила свои острые когти в твёрдое, как железо, дерево. На её счастье нанесённый Большим ветром снег заметно сократил расстояние от земли до верхнего настила лабаза. Пара резких движений наверх, и медведица смахнула вниз лежавший с края кусок разделанного моржового мяса...

Дорвавшийся до еды великий зверь решил в берлогу не возвращаться, а залечь тут же. Медведица, конечно, узнала, что в человеческом жилище обитает женщина, догадалась, что это она разожгла костры, приснившиеся в её необычном сне. Подумала, что она тоже с ребёнком и, наверное, перепугалась до смерти. А ещё подумала, что, наверное, надо бы убраться незаметно. Тем не менее, аккуратно пристроила под мышку наевшегося и уже уснувшего довольного малыша, и с наслаждением начала грызть жирное и вкусное мясо. Какой бы осторожной она ни была, приятная истома сытости разлилась по её телу, и вскоре медведица задремала.

Ей снова приснился хозяин морей, озёр и рек Уу Барылай Байанай. В этот раз он мягко качал свою водную колыбельку и приговаривал: «Спи, спи. Ты даже не знаешь, что это я тебя специально отправил к этому жёлтому вкусному мясу. Это мой подарок тебе. Спи, спи...»

Так и переночевали эту долгую ночь две матери — медведица у лабаза с жирным моржовым мясом, и Ааныс в балагане, по стенам которого тревожно играли сполохи костров, разведённых на улице. Они обе не знали, что принесёт им новый день, но у обеих неприятно сосало под ложечкой и также одинаково ныло сердце...

* * *

Ааныс знала, что великий зверь пришёл неспроста, и в эту долгую ночь она не сомкнула глаз. Перед ней пронеслась вся её жизнь.

Однажды беременная Ааныс заносила домой лёд, поскользнулась и упала. Случился выкидыш. У неё пошла кровь, которую никак не могли остановить. В Саскылахе — небольшом рыболовецком участке из двух домов, где они тогда жили, разумеется, никакого фельдшера не было. Равно как и лекарств. Ааныс была при смерти, и она это чувствовала. Именно тогда, как она помнит, к ней пришла соседская старуха Маайыс. Она развернула дрожащими руками принесённый с собою тряпичный свёрток, в котором оказалось что-то тщательно завернутое в несколько слоёв серебристой фольги из-под чая. Это был маленький кусок засушенной медвежьей желчи. Чуть больше рыбьего глаза. Старуха Маайыс сковы-

рнула кончиком якутского ножа кусочек желчи на серебряную столовую ложку, развела водой и подошла к лежащей без сил измождённой Ааныс.

— Милая, ты как? Вот я принесла тебе желчь великого зверя. Говорят, что при таких случаях только он и может помочь. Знаешь слова какой-нибудь молитвы, заклинания? Лучше будет, если произнесёшь их и выпьешь это — так оно вернее будет.

— Я попробую... Темнота застит мои глаза. К тебе, великий зверь, предводитель всех клыкастых на земле, обращаюсь я! Явившуюся неожиданно-негаданно гибель мою только ты можешь отогнать, только ты можешь меня защитить. Из чаши твоей золотой драгоценную влагу пригубляю я. Будь мне солнцем красным, месяцем ясным — останови мою кровушку! Спаси и сохрани!

После этого Ааныс из последних сил втянула в себя приготовленное старухой Маайыс драгоценное снадобье и впала в забытье. В ту ночь её кровотечение прекратилось, и она пошла на поправку. С той поры женщина безоговорочно верила в целительную силу медвежьей желчи. И впоследствии желчь великого зверя не раз помогала Ааныс и её детям при разных недугах. Она, спасённая этим снадобьем от неминуемой смерти, была убеждена, что с правильными словами медвежья желчь может помочь ото всех на свете болезней.

Глядя на сполохи огня за балаганом, Ааныс вспомнила другой случай, связанный с рассказами стариков о том, что великий зверь никогда не является просто так. Это произошло в доме великого охотника Улахан Абалахаана. Все домочадцы спали, когда мальчику, к которому чуть ли не с пелёнок прилипло ласковое пёсье прозвище Дружок, захотелось по малой нужде. На улице слышался отчаянный лай собак, но они часто устраивают драки, и поэтому на лай обычно никто внимания не обращает. Выскочивший в одних кальсонах и рубашке на улицу мальчишка тут же забежал обратно с застывшим от ужаса лицом, и даже не закрыв двери, кое-как произнёс заикающимся от волнения голосом: «О-отец! Та-там! Там медведь!»

— Где?

— У дверей в наши сени!

— Что за чушь!

— Сс-смотри!

За спиной мальчишки в сенях и вправду виднелось что-то необъятное.

— Ну-ка, отойди в сторонку! Ты смотри, окаянный, ещё и в мой дом явился!

С этими словами Улахан Абалахаан схватил висящий за его спиной на стене карабин и одним прыжком очутился у порога. Стояла полная луна, и он отчётливо разглядел щенка, задавленного медведем на снежном полу тамбура. Одним привычным движением отправил патрон в патронник, сделал для удобства шаг назад, опёрся спиной об печку, прицелился и выстрелил. Всё это произошло настолько быстро, что другие домочадцы так и не успели понять, что случилось. Огромный белый медведь с оскаленными зубами, вытянутыми вперёд лапами, издал страшный предсмертный хрип и рухнул прямо на порог их дома.

Выстрел в ночи переполошил весь посёлок.

«Ты почему, окаянный, пришёл ко мне, чтобы быть убитым на пороге моего дома?! Явился сказать, что грядёт час расплаты? Почему ты, великий зверь, не встретил меня достойно на охоте?!», — примерно такие слова, со слезами на глазах, произнёс великий охотник Улахан Абалахаан над огромным убитым самцом. Он перевернул тушу на спину и тут же на пороге разделал её.

При этом домочадцам великий охотник дал крепкий наказ, чтобы никто из

них не проболтался о случившемся. Но разве такое утаишь? И скоро об этом знал весь посёлок. Люди тихо шептались, мол, не к добру, что медведь сам пришёл к охотнику, вспоминали, что покровитель охоты Баай Байанай дарил великим охотникам перед их смертью большого зверя. Молва не молва, поверье не поверье, но тем же летом великого охотника Улахан Абалахаана хватил удар. От инсульта он не оправился и вскоре умер.

* * *

Ааныс вспомнила ещё один случай.

До того, как они с мужем переселились на остров Куба Арыгта, тут располагалась какая-то экспедиция. Однажды двое её членов отправились на северную оконечность острова. Неожиданно один из них провалился под снег, оказалось, что он упал в медвежью берлогу. Второй тут же заглянул в снежную яму и отшатнулся от ужаса — он услышал глухое ворчание великого зверя, увидел, как он положил на его упавшего друга передние лапы и посмотрел наверх. Прямо на него. И холодный синий пламень этого взгляда пронзил его насквозь, чуть не парализовал на месте и заставил испытать неопишуемый животный страх.

Почти на последнем издыхании он добежал до лагеря, который располагался в балагане, и рассказал о том, что произошло. Экспедиция переполошилась, люди посовещались и решили, что надо немедленно сообщить об этом в Сагастыыр. Вестового туда отправили с наставлением, чтобы он без великого охотника Усун Бачыыга даже не вздумал возвращаться. Через сутки в лагерь экспедиции прибыл великий охотник Усун Бачыык, который, услышав историю, сразу же собрался в дорогу, и гнал своих собак, несмотря на быстро надвигающуюся ночь. Он тут же распорядился, чтобы хорошо растопили печь, и, даже не заходя в жилище, направился к берлоге медведя.

Когда Усун Бачыыгу вестовой рассказал, что медведь не задрал провалившегося в его берлогу человека, а только положил на него лапы, то старый охотник вспомнил законы Севера и сразу понял, что того ещё можно спасти, и сделать это может только он. К берлоге он решил идти один, чтобы в опасном деле, когда всё решают доли секунды, не зависеть ни от кого, а рассчитывать только на себя. Он даже всех собак оставил, взял с собой только верного пса Догора, известного силой и храбростью и тем, что никогда не бросал своего хозяина при встрече с любым великим зверем. На него охотник мог полагаться.

...Две чёрные тени от яркого лунного света — старого охотника и его верного Догора — бесшумно парили по поверхности бескрайней тундры, над которой в куполе вечного неба были рассыпаны мириады звёзд. Охотник ещё издали увидел тёмный провал берлоги, куда упал человек, и, внимательно оглядевшись, понял, где могло быть занесённое снегом «окошко» медвежьего жилья. «Окошком» в этих краях называют узкое отверстие для воздуха, которое делает медведь перед тем, как залечь на спячку, и опытные охотники по ней находят берлоги. Сейчас они с Догором направлялись именно туда.

Удар приклада, обрушившего снег вокруг «окошка», стал для великого зверя полной неожиданностью, и он, привстав, с рычанием развернулся. Охотнику этого и надо было — выстрел карабина в морозной тишине прозвучал по-особенному громко. Медведь обмяк и медленно свалился на бок.

Усун Бачыык спустил в берлогу длинную кожаную верёвку, которой он был

подпоясан, но окоченевший от долгого лежания и, видимо, потерявший сознание человек не откликнулся. В ожидании подмоги от товарищей бедолаги, охотник закурил. По его прикидкам, потерпевший наверняка примёрз к снегу, и потому его надо было вынимать очень осторожно. Аккуратно сколоть образовавшийся от его тепла лёд и только после этого поднимать вверх. Вскоре подъехали взволнованные экспедиционщики. Охотник спустился вниз первым, помог поднять человека, который не подавал никаких признаков жизни, хотя наружный осмотр показал, что у него всё в целости. Подняли и медведя, который оказался довольно крупным самцом. Усун Бачыык удивился — обычно самцы в берлоге не ложатся, делают это очень редко и на короткое время. С другой стороны, подумал он, им всем повезло, что в берлоге не оказалось медведицы с медвежатами, тогда уж точно бы никто не поручился за благоприятный исход дела. Погрузив человека в одни сани, тушу медведя — в другие, все гурьбой направились к жилью.

В жарко натопленном доме пострадавшего по совету охотника раздели догола, а затем осторожно растёрли его тело сухой древесной трухой, предусмотрительно привезённой Усун Бачыыгом. Вскоре бесчувственное сначала тело порозовело, затем зашевелились кончики пальцев, вздрогнули ресницы, и вот он уже открыл глаза. Поняв, что жив, он хотел что-то сказать, но губы его ещё не слушались. Ему тут же влили в рот неразбавленный спирт...

Когда Володя, так звали «воскресшего» русского парня, более-менее пришёл в себя, его одели и усадили за стол. Ему рассказали, что спас его великий эвенкийский охотник Усун Бачыык. Володя до отъезда охотника в посёлок не сводил с него теплого взгляда, и всё сокрушался, что ему нечем отблагодарить своего спасителя.

Великий охотник Усун Бачыык смотрел на взволнованных членов экспедиции и думал о том, что надо благодарить непреложные законы Севера, которым подчиняются даже великие звери. Белый медведь не разорвал свалившегося на него человека, ибо для него он был слаб и мал. Он не переступил через эти законы, даже зная, что добром это для него не кончится...

* * *

Ааныс решила выйти на улицу, когда свет за окном только приобрёл слегка голубоватый оттенок. Она насыпала на доньшко ведра углей из печки и, держа его перед собою, словно большую защиту, осторожно вышла во двор. Раздула огонь костра возле входа, подкинула дров и с охапкой поленьев быстро зашла обратно. Приготовила завтрак и разбудила мальчиков, когда окончательно рассвело. Младшенького сына, которому они с мужем ещё не придумали имя, покормила грудью, а Ньюкуусу сказала, чтобы он поскорее доел завтрак. «А то наша медведица с медвежонок уйдут в берлогу, и мы их уже не увидим», — добавила она ровным голосом, успокаивая себя и ребенка.

— Мама, а медвежонок совсем маленький?

— Не совсем. У него уже мягкая пушистая шёрстка, короткие, но толстенькие лапки и чёрные-чёрные глазки-пуговки.

Ааныс растелила на нарах оленью шкуру, пристроила туда поудобнее младшенького сына, одела Ньюкууса и оделась сама. Огляделась, взяла ведро для моржового жира и почему-то взяла ещё палку из тальника.

Лучи солнца, пока ещё не видимого из-за горизонта, окрасили небо на восто-

ке в нежный алый свет. На другой стороне небосвода, будто вылинявшего после долгой полярной зимы и потерявшего сочные краски, был виден бледный серпик луны. Всё говорило о том, что уже через несколько дней покажется солнце. Для тех, кто живёт за полярным кругом, это целое событие — радостное и волнующее, непередаваемое в своей первозданной красоте. Сначала горизонт на востоке купается в ярких лучах светила, но его самого ещё нет. И так несколько дней. Только потом появляется краешек солнечного диска, который с каждым днём становится всё больше и больше, пока однажды не предстанет полным кругом — красным-красным, как будто его только что выковал небесный кузнец. Через несколько дней краснота пройдёт, и солнце — новенькое и чистенькое — засияет на весь заждавшийся его полярный мир.

Сейчас до этого дня было ещё рано, но просторы застывшего подо льдом моря были видны уже до самого горизонта. Ааныс пропустила вперёд сына, пусть, подумала она, медведица с малышом видит, что я тоже с ребёнком, что я тоже мама.

— Мама, брось эту палку, а то медведица подумает, что это у тебя ружьё.

Ааныс удивилась словам сына, но мысленно похвалила его и отбросила палку в сторону. Где же звери? — подумала она, разглядывая издали лабаз. Медведицы не было. Но зато на снегу под лабазом было хорошо видно, как она попиrowала. По всей видимости, они ушли спозаранку. Ааныс с сыном направились к навесу из почерневших досок, где в бочках хранился моржовый жир. Женщина только хотела было начать набирать жир в ведро, как вдруг прямо перед ней словно из-под снега выросла медведица. Она стояла на задних лапах. Огромная. В два раза выше женщины. Ааныс застыла в ужасе, но кричать и делать резких движений не стала. Она почувствовала на себе дыхание великого зверя, но продолжала спокойно стоять. Их глаза встретились. К своему удивлению, ничего опасного для себя в этом пронзающем насквозь взгляде медведицы Ааныс не увидела. Взгляд великого зверя как будто говорил, что его бояться не стоит, он тут по своим делам...

Медведица опустила на задние лапы, медленно повернулась и пошла. Только теперь Ааныс разглядела, что впереди неё белым шариком катится медвежонок.

— Ой, какой хорошенький! — вывел её из оцепенения голос сына. Она даже не успела понять, где он был в это время. — Ты не испугалась, и я тоже не испугался. Ты же сказала, что это добрая медведица со своим медвежонком.

— Да, сынок. Добрая...

В метрах тридцати от них медведица-мама остановилась, снова привстала на задние лапы и посмотрела в их сторону. Медвежонок обогнал её и пустился вперёд. Затем медведица опустила на четыре лапы и сквозь снежные наносы продолжила свой путь к морю. У Ааныс отлегло от сердца.

* * *

Ньюкуус, который впервые в жизни увидел медведицу и её малыша, был в восторге. Ему было невдомёк, что в эти мгновения пережила его мама. Мальчишка долго, до рези в глазах, стоял и смотрел на то исчезающих, то появляющихся в бесчисленных снежных барханах медведицу с медвежонком, направляющихся к морю.

Опасность вроде миновала, но Ааныс, также молча смотревшая вслед уходящим зверям, особой радости не испытывала. Она вдруг почувствовала себя полностью опустошённой, у неё подкосились ноги. Только сейчас до неё дошло чувство смертельного страха. Сидя на снегу, женщина явственно ощутила, что в её жизнь

вошла неведомая сила, которой она противостоять не может. На глаза сами собой навернулись слёзы. Потом она ещё долго сидела, ожидая, когда успокоится сердце, готовое выскочить из груди, и пыталась понять причину своей неосознанной тревоги, которая поселилась в её душе. Почему приходила медведица? Неужели Баай Байанай таким образом даёт ей знак, и великий зверь — это предвестник их будущих лишений и скитаний? Что будет с ними, если с её Андреем что-то случится? Он ведь тоже охотник, слава о котором гремит далеко за пределами Тумата. Нет! Ааныс отогнала от себя эту мысль. И там на краю Земли, на забытом Богом острове Куба Арыгта недалеко от крохотного балагана, торчащего, словно рукоять охотничьего ножа, она поклялась, что выдержит всё, и с ней и с её детьми ничего не случится, и они переживут любые испытания. Потом, как человек, принявший важное решение, она успокоилась, встала, отряхнулась, набрала моржового жира и зашагала в сторону жилья.

За нескончаемыми домашними хлопотами время летело незаметно, но теперь в голове Ааныс крутились другие вопросы — как рассказать мужу о том, что приходила медведица, и она подвергла себя и сына смертельной опасности? Как рассказать ему о том, как она ощутила на себе дыхание великого зверя? Как передать ему, что она почувствовала, когда они стояли рядом и молча смотрели друг на друга? Вопросы, вопросы...

Мать с сыном были уверены, что их муж и отец приедет именно сегодня. Ньюкуус с особой тщательностью счистил снова иней изнутри окошек, и в балагане опять стало светлее. Тем временем Ааныс занималась обедом, и вскоре ароматный запах вкуснейшего наваристого гусяного супа заполнил балаган.

* * *

...Застоявшиеся ездовые собаки рванули было с места во весь опор, но Андрей, как опытный каюр, попридержал их прыть. Через пару километров он остановил собак, дал им опорожниться, и только затем пустил упряжку ровной плавной рысью.

— Ток-ток! — погонял время от времени Андрей своих собак. — Ну, Чолбон, давай! Басыргас, не дёргайся! Ток-ток!

Нарты по накатанному после Большого ветра снегу скользили легко, и собаки быстро втянулись в размеренный бег. Только клубится за нартами снежная дымка. Время летело незаметно. Вставший спозаранку Андрей почувствовал, что слегка проголодался. Да и собакам надо было дать передохнуть, и потому он решил сделать остановку и перекурить.

Дым папиросы приятно щекотал ноздри, а он думал о том, что проехал уже половину пути. Если ехать таким темпом, то можно успеть домой ещё засветло. Он опять вспомнил домочадцев. Лишь бы дров хватило им, а за продукты он не беспокоился. Как не беспокоился и за жену, которая пережила не один Большой ветер. Андрей в Ааныс был уверен как в самом себе. «Ну, скоро я уже приеду», — подумал он. При этой мысли на его душе потеплело, и он невольно улыбнулся.

...Ещё две короткие остановки и, как изначально предполагал Андрей, они добрались до своего жилища. Было ещё светло. Он удивился тому, что его не встречает привычным лаем домашний пес, и лишь на снежном пригорке недалеко от балагана стояли Ааныс и Ньюкуус и смотрели, как он подъезжает. «Видимо, услышали лай моих собак», — предположил Андрей.

Ааныс с сыном скатились с горки навстречу, помогли собакам затащить грузёную нарту на пригорок, и вскоре они уже остановились возле продуктового лабаза.

— Отец! Мы видели медведицу с медвежонком! Он такой маленький! Они в ту сторону пошли! — выпалил возбуждённый и радостный Ньюкуус одним духом.

— Да ты что! Говоришь с медвежонком? — Андрей поднял сильными руками сына, и посадил на нарты. Вопросительно посмотрел в сторону жены.

— Правда, — тотчас сказала Ааныс. — Видимо, берлога тут у неё. Спокойная была, не напугала нас.

— Да тут она вволю наелась, — сказал Андрей, заметив следы медвежьего пиршества. — Такой жир бьёт по суставам, так что она далеко не должна уйти. Сходить что ли за ней пока ещё светло...

Собаки, взявшие запах зверя возле обглоданных костей, вздыбились на холке шерсть и начали рычать. Некоторые начали выть и остервенело лаять.

— Ты что, Чолбон, зверя отпугиваешь? Ну-ка перестань выть! — Андрей специально пожурил своего любимца, чтобы другие не так уж сильно ревновали к нему.

* * *

— Может, сначала чайку попьёшь с дороги, а потом уже посмотришь? — сказала Ааныс мужу рассудительно. — Говорю же, что медвежонок ещё совсем крохотный, видать, всего пару дней назад выбрался с матерью из берлоги. Так что они всё равно далеко уйти не могли. И потом разве зверь, обнаруживший лабаз с готовой едой, может просто так её бросить?

Слова жены звучали убедительно. Едва Андрей переступил порог, как ему в нос ударил ароматный запах гусяного супа, его обдало домашним уютом и теплом, по которым, как он сейчас осознал, очень соскучился. По привычке человека, зашедшего после долгой дороги в дом, он сразу очистил образовавшийся от дыхания лёд на песцовой оторочке шапки. Повесил сушиться рукавицы, а затем, с помощью сына, снял надеваемую через голову зимнюю кухлянку. Она у него была двойная — мехом вовнутрь и снаружи. Андрей уже давно понял, что на Севере всегда надо одеваться так, как одевались живущие здесь испокон веков люди — это удобно и, главное, тепло.

Сидя перед печкой, Андрей очистил бородку от сосулек льда, по-якутски понюхал Ньюкууса и крепко обнял его.

— Ты посмотри, Аанчык, какой у нас уже большой сын стал! В следующем году возьму его на охоту вместе со старшим братом. Уже помощники выросли!

С этими словами Андрей начал вытаскивать содержимое весьма объёмистого мешка, привезённого из посёлка. На столе появились абрикосовый компот, плиточный шоколад, русский хлеб из местной пекарни, сливочное масло, кусковой сахар, пачки папирос «Беломорканал» и ещё много другого добра. Ньюкуус прыгал от радости, Ааныс с удовольствием смотрела на всё это, радовался и сам Андрей, но он постоянно думал о медведице с медвежонком.

— Ну, какие новости? Как проживают люди? — спросила спокойным голосом Ааныс, разливая чай. И вдруг поняла, что жалеет мужа. Сейчас он, ещё не отдохнувший толком с дороги и соскучившийся по семье, пойдёт выслеживать великого зверя. По-другому поступить он не может. Она своего мужа знала хорошо. А

вдруг... Ааныс попыталась отогнать от себя нехорошие мысли. И ещё более спокойным голосом продолжила расспрашивать мужа о жизни знакомых им людей. У неё была особенность, которая, быть может, помогла им с сыном сегодня при встрече с медведицей с глазу на глаз. Чем тяжелее была ситуация, тем она становилась спокойнее, не теряла самообладания, там, где многие мужчины начинали нервничать, она вела себя очень рассудительно.

Андрей, конечно, догадывался, что творится сейчас в душе жены, и потому старался показать радость от прибытия домой. Он действительно был рад тому, что Ааныс с детьми благополучно пережили его отсутствие, и с ними ничего не случилось. Разве может быть что-то лучше для главы семейства, часто вынужденного скитаться вдали от дома?! Вот только медведица... Великий зверь никак не выходил из головы, и потому к супу, каким бы вкусным он ни был, и как ни дразнил ароматом, Андрей почти не притронулся, зная, что ему сейчас плотно есть нельзя. Тем не менее, он не торопясь поделился новостями, поведал о жизни-бытии общих знакомых в посёлке.

Также Андрей с удовлетворением рассказал о том, что его песцы ушли за 800 рублей, и он смог рассчитаться со всеми долгами, вдобавок ещё и две рыболовные сети купил. Потом, вспомнив, передал жене письмо от её подруги Онньурки, а также от Улахан Кычкина.

— С Егорушкой всё нормально. Вот этот компот он братьям велел купить в качестве подарка от него. Ну, а вы как без меня тут жили? Дрова, небось, давно закончились? — закончил свой рассказ Андрей.

— На наше счастье дрова закончились как раз, когда стихла пурга. Ну, потом пришлось старые запасы рубить. Керосин закончился...

— Я привёз. И свечей тоже. Надолго хватит.

— О-о, это хорошо! Андрей, может, ты на этого зверя завтра пойдёшь? — спросила как бы между прочим Ааныс.

— Какое там завтра! — моментально ответил Андрей, как будто только и ждал этого вопроса. На самом деле так и было. Ему, честно говоря, стало легче от того, что Ааныс спросила его об этом. — Байанай же от меня отвернётся! Да и собаки сейчас не успокоятся, всю ночь будут лаять и выть. Ты лучше занеси рыбы для них, приду, покормлю. Сейчас с собой только Торгона возьму. А ты, Ньюкуус, на улицу пока не выходи.

Андрей занёс с улицы карабин, дал ему отойти немного от холода возле печи, потом тщательно протёр со всех сторон. То же самое он проделал с предварительно вытасненным затвором, который потом завернул в отдельную тряпицу. После этого он немного успокоился и с удовольствием выпил из блюдца ещё одну чашку горячего чая. Его пальцы при этом заметно дрожали. Но Андрей думал о том, что сегодняшняя медведица — это воплощение сна, который приснился ему накануне в Сагастыре.

В это время Ааныс занесла в дом полный таз ряпушки. Она ловко обстучала их и, разделив, пристроила оттаивать на шесток печи. Затем откуда-то из изголовья нар вытащила лёгкую пыжиковую парку, подбитую шкурами песка. Чуть смущённо протянула мужу.

— Вот, я закончила, наконец. Может, наденешь её сейчас?

Андрей с благодарностью посмотрел на жену. Сразу же с радостью примерил. Что он мог ещё сделать перед тем, как идти на великого зверя? Парка, тёплая и лёгкая, сидела как влитая. Сказал, что в ней он и пойдёт, и сразу спрятал за пазуху тряпицу с затвором. На улице он поднял свернувшегося калачиком спящего Торгона, и смахнул рукавицей иней с собаки. Остальные завистливо заскулили.

Охотник обмотал себя несколько раз длинной прочной верёвкой из кожи морского зверя, проверил на месте ли нож, поправил карабин и, подозвав Торгона, направился на северную оконечность острова.

Андрей шёл и вспоминал, как несколько лет назад добыл медведицу с медвежонок. Именно тогда он впервые увидел глаза великого зверя, смотрящие на него в упор. Вспомнил слова стариков о том, что пригвождённые на месте недвижимым взглядом хищника охотники бывают обречены. Мало кто из людей может выдержать этот проникающий до позвоночника парализующий взгляд. На его счастье он свалил медведицу одним выстрелом. И опять же удивился тому, что пока он вскидывал карабин и целился — ему показалось, что за этот миг прошла целая вечность, великий зверь продолжал смотреть на него и ни разу не моргнул. Грянул выстрел. Медведица свалилась на спину, её глаза потухли, но перед уходом в небытие в них на мгновение вспыхнули леденящие душу красные огоньки. Словно последние угли догорающего костра...

Когда Андрей рассказал об этом знакомому охотнику Хасчыту, тот промолвил, что если зверь свалился на спину — это добрая примета, и Байанай добывшего его человека возрадовался.

...В наступающих сумерках были хорошо видны голубоватые ледяные торосы, громоздящиеся у морского берега. Это только кажется, что в этом первозданном величественном безмолвии человеческому глазу не за что зацепиться. Охотник сразу разглядел цепочку следов медведицы, увидел место, где медвежонок несколько раз скатился с высокого тороса, пока мать не помогла ему. Проследив взглядом дальнейший путь зверя, Андрей предположил, что медведица решила срезать путь и напрямик направилась к берлоге через торосы. Ему оставалось только идти по следам. Торгон, как опытная и не раз бывавшая на охоте собака, молча бежал рядом с хозяином. Он знал, что его очередь ещё впереди.

Вскоре Андрей разглядел на крутом береговом склоне чернеющий лаз берлоги и решил, что он обойдёт её со стороны, поднимется наверх и подойдёт к медведице оттуда. Как бы ни был силён и ловок зверь, это даст человеку некоторое преимущество. Вряд ли он попытается вскарабкаться по крутому склону прямо на охотника, скорее всего, медведица скатится вниз, и Торгон, самая отважная из его собак, не должен дать ей уйти в торосы. Там и достанет её Андрей. Он осторожно достал затвор, вставил в карабин, а затем зарядил его.

Как только охотник достиг нужного ему места, и сделал вниз по склону несколько шагов к берлоге, неистово залаял Торгон. В мгновение ока взметнулся снег, и медведица выскочила наружу. Андрей по опыту понял, что она защищает своего медвежонка, иначе хитрый зверь под пули бы никогда не выскочил. От яростного лая бесстрашного Торгона, чуть ли не вцепившегося в неё, медведица рассвирепела, и человек увидел пламенеющий от злобы взгляд великого зверя. Он вновь как некогда весь похолодел, но привычным движением спустил курок, и страшные огни тотчас погасли. Но другие — пока ещё не свирепые, ничего не понимающие и испуганные — смотрели на охотника из глубины берлоги. Это был медвежонок...

* * *

Эхо выстрела разнеслось по всему острову. Ааныс подождала второго, но он не прозвучал — её муж был великим охотником, слава о котором давно перешагнула окрестности Тумага.

— Наш мудрый покровитель могущественный Баай Байанай! К тебе обращаюсь я! Ты, подаривший великому охотнику большого зверя, не лишай нас доброго своего расположения! Здоровья и изобилия не лишай нас! — с этими словами Ааныс покорила огонь жирными оладьями, которые успела настряпать в ожидании мужа.

...Предчувствия её не обманули — это оказалось последней охотой Андрея. Вскоре он неожиданно заболел, лечился сначала в Тикси, а последние дни и часы жизни провёл в родном Болтогинском наслеге Чурапчинского улуса, где и был похоронен. Ааныс осталась на острове с детьми, где ей и сообщили потом об этом. Женщина стойчески отнеслась к случившемуся, поскольку всегда знала, что законы Севера никто не отменял. Она с удивлением вспоминала потом клятву, которую дала, сидя на снегу после встречи с медведицей, когда ощутила дыхание великого зверя: «Я выдержу всё, со мной и с моими детьми ничего не случится, мы переживём любые испытания»...

С отплывающим в Сагастыр последним перед ледоставом катером Ааныс с детьми покинула остров. Стоя на палубе утлого судёнышка вместе с Егоркой, Ньюкуусом и малышом на руках она со слезами на глазах всматривалась в свой милый, вмиг осиротевший балаган, который она уже не увидит никогда. Он был для неё самым родным местом в этом неприветливом суровом краю, где она провела с любимым мужем счастливые годы своей жизни.

Вскоре балаган, торчащий на острове Куба Арыта, словно рукоять охотничьего ножа, исчез из вида навсегда.

*Перевод
Алексея АМБРОСЬЕВА — Сиэн МУНДУ,
г. Якутск. 2017 г.*